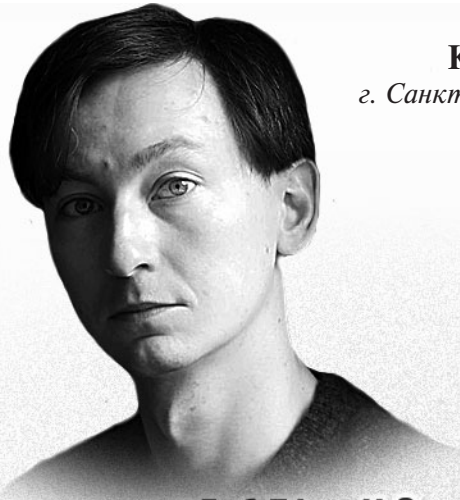

**Роман
КРУГЛОВ**
г. Санкт-Петербург

«ЕСТЬ НА СВЕТЕ ВЕТЕР И СОЛОВЬИ...»

Роман КРУГЛОВ —

поэт, критик, редактор.

Член секции поэзии и член бюро секции критики
Союза писателей России.

Кандидат искусствоведения

(специальность — теория и история искусства).

Автор книг стихотворений

«История болезни» (2010), «36 кадров» (2012),

«Двигатель внутреннего сгорания» (2014),

«Гербарий» (2016),

сборника литературоведческих
и критических статей «Грани» (2013).

Лауреат нескольких литературных премий.

В журнале «Север» публикуется впервые.

ЗВЁЗДЫ

Стволов сосновых охряные нити
Между закатом и водой озёрной
Натянуты, по ним звенит огонь,
Они дрожат, стекая в отраженье.
Молчи, кузнечик!

Нет, милый, пой. До головокруженья
Гляжу в небес открытую ладонь,
В которой к ночи прорастают зёрна.
Стары как мир. Но чем же заменить их?
Ничем. И ничем.

* * *

Есть на свете ветер и соловьи,
В небе лунный пятак —
Если Бог уже не пошлет любви,
Я согласен и так.

Я давно пылью её опален —
Глеет боль в седине.
Я насквозь огнём её опылён —
Пламя зреет во мне.

Если не пошлет, значит, я готов
Уже просто за так
Согреть и ветер, и соловьёв,
И холодный пятак.

* * *

Крестоносцы были в детстве,
В юности — Толстой.
Целый мир тебе в наследство.
Властуй, Бог с тобой.

Но транжиришь на пустое
Даровую жизнь,
И веселье напускное
Голову кружит.

Правда — как на дальней полке
Дедова медаль:
Светит в темноте без толку
Дорогой металл.

Покрутил в руках, мальчишка,
Спрятал — пусть лежит.
А в свою не веришь — слишком
Страшно заслужить.

* * *

Звуки всё тише мои —
Еле слышны соловьи
В недостижимом саду
В позапрожитом году.

Всё, что возможно, уже
Сбылось в моём мираже.
Нежность забуду и злость —
Больно уж больно жилось.

Спит за зелёной стеной
Сад мой запущенный, но
Сквозь лебеду и репы —
Звуки всё чище мои.

* * *

Живя в событий и бесед
Неимоверной мешанине,
Приписывать её себе —
Самодовольство мещанина.

Поди присвой июль, закат...
Но и тоска, и воспаренье
Мечты, — все слезет, как загар,
Излечится, как воспаленье.

И ты пройдёшь, как сон дурной,
Зверюги и зануды помесь,
Попутно становясь собой,
Каким теперь себя не помнишь.

* * *

Ума бесхитростный юнец
Пытается ловить мгновенья,
А жизнь идёт, как под венец,
И он дрожит от нетерпенья.

Не видно таинств. Видно храм,
Толпой заполненную паперть...

* * *

Привить бы к вене веточку сирени,
Чтоб зацвела,
Тогда бы я забыл про дождь осенний
И про дела.

Тогда бы не на юг летели птицы,
А на меня
(Я б лишний раз не шевелил десницей,
Чтоб не сгонять).

А чтоб цветам всегда хватало крови
Из ветки вен,
Обильно запивал бы саперави
Гематоген.

Не в институте, а в оранжерее
Моя стезя —
Куст-доброволец с соловьём на шее...
Жаль, что нельзя.

* * *

Стол, тень от капель на стекле,
Букета зябнувший скелет.
Белёсый день и талый свет
К закату ближе — ровный, жёлтый.
Ты понимаешь все живей
Серьёзность маленьких вещей,
Таких, как ракушка и жёлудь.

Как память бывших встреч, легки
Святые эти пустяки.
И вот однажды вопреки
И логике твоей, и воле,
Хоть мир вокруг жесток и груб,
Из жёлудя родится дуб,
Из ракушки возникнет море.

Всё то, что предлагают нам
Воображение и память —

Косноязычный перевод
(И эта малость точно милость!)
Того, что было, и того,
Что всё же недовоплотилось.